

Войны древней руси

Валерий Шамбаров
**СКИФСКИЕ
ВОЙНЫ**

Как русь победила
Дария Великого и
Александра Македонского

Валерий Евгеньевич Шамбаров

Скифские войны. Как Русь победила Дария Великого и Александра Македонского

Серия «Войны Древней Руси»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17694295

*Скифские войны. Как русь победила Дария Великого и Александра Македонского. / Шамбаров В. Е. – М.: Издательство Алгоритм, 2013. 978-5-4438-0483-5; Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0483-5*

Аннотация

Новая книга известного историка Валерия Шамбарова посвящена победам скифов – предков русского народа – над всемирно прославленными завоевателями, персидским царем Дарием Великим и покорителем Азии Александром Македонским. Почему македонская фаланга и персидские «бессмертные» гвардейцы потерпели поражение от «диких» скифов? Как и каким оружием побеждали наши предки врага? Книга содержит изображения исторических артефактов, вооружения, схем походов.

Содержание

Всегда ли правдива наука?	4
I	17
Жизнерадостные города Триполья	17
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валерий Шамбаров

Скифские войны. Как русь победила Дария Великого и Александра Македонского

Всегда ли правдива наука?

Прежде чем начать наше повествование, необходимо сделать отступление и коснуться методов, коими добываются сведения о прошлом. Ведь письменная история человечества прослежена лишь на интервале чуть больше трех тысячелетий, да и то фрагментарно, с огромными временными и пространственными «пробелами». А основной багаж информации поставляет археология. Казалось бы – она «всесоможна», вскрывая неведомые цивилизации, и следы исчезнувших народов...

В действительности это не так. Потому что археологические находки надо интерпретировать. А методики подобной интерпретации весьма и весьма несовершенны. Обычно археология оперирует понятием «культур», которые к самим древним народам имеют не прямое, а лишь косвенное отношение. Выделяются несколько характерных деталей, они и

служат показателем принадлежности к той или иной археологической культуре. Причем выделить значительный комплекс бытовых предметов, однозначно определявший жизнь той или иной общности, удается крайне редко. Чаще берутся один-два признака. Например, тип захоронений. Или тип керамики. И всю территорию, где распространялись такие захоронения или керамика, относят к данной культуре. Подразумевается – к некоему народу.

Хотя на самом-то деле территория расселения этноса или границы государства вовсе не обязаны соответствовать археологической культуре. Тип захоронений определяется религиозными верованиями, а они могли быть близкими у нескольких народов. Могли и изменяться со временем. Ну а индикация с помощью керамики и прочих бытовых предметов способна дать еще более грубые ошибки. По мере технического прогресса и общения с соседями вещи совершенствуются, перенимаются друг у друга – каждому хочется иметь изделия получше. И вот, допустим, где-то внедрилась мода расписывать свои горшки иначе, чем раньше. Разве после этого народ стал уже другим? Но по археологическим критериям получается именно так. Была одна культура, ее сменила другая. И вытекают предположения, что прежний народ куда-то ушел. Или был завоеван пришельцами, принесшими новую технологию.

Некорректность отождествления материальной культуры с этносами весьма образно продемонстрировал Л.Н. Гуми-

лев, указавший, что археолог ХХХ в. при изысканиях на территории Ленинграда «выделит «культуру глиняных горшков», «культуру фарфора», «культуру алюминиевых мисок», «культуру пластмассовых блюдец». При раскопках жилищ он разнесет по разным «культурам» дворцы в стиле ампира, кирпичные доходные дома и блочные строения. Все эти дома он обязан, согласно постулату, интерпретировать как памятники особых этносов. А ведь для примера взята «250-летняя история одного города».

Еще проблематичнее дело обстоит с датированием археологических находок. В середине ХХ в. был открыт метод, основанный на исследовании радиоактивных изотопов, обладающих известным периодом полураспада. Чаще всего это радиоуглеродный анализ, измеряющий количество изотопа С-14. Данный метод произвел настоящую революцию в археологии, поскольку наконец-то позволил устанавливать абсолютный возраст находок.

Но по мере его использования выяснилось, что он не всегда применим, иногда способен давать значительные погрешности. Причем по мере увеличения возраста находок количество еще не распавшегося изотопа С-14 в них уменьшается, и, соответственно, погрешность возрастает. Очень сложным и хлопотным оказывается выбор образцов для анализа, оценка правильности полученных данных – скажем, при определении возраста деревянного изделия радиоуглеродный анализ дает возраст дерева, а не изделия. Соседство с

предметами, имеющими повышенный радиоактивный фон, способно значительно исказить результаты.

И вдобавок основная база археологических данных накапливалась задолго до открытия радиоуглеродного анализа. Да и сейчас его используют не всегда и не везде – и из-за технических сложностей, и по финансовым причинам, поскольку это очень дорого. И в конце концов радиоизотопные методы остались вспомогательными. А в качестве основных наука до сих пор пользуется старыми методами «стратификации» и «типологии». Стратификация – это порядок залегания культурных слоев в раскопах, позволяющий определить не абсолютный, а относительный возраст находок. Что лежит глубже, то и старше. А на основе этого составляют типологические цепочки эволюции тех или иных предметов – керамики, оружия и т. д. Привязка подобных цепочек к абсолютным датам весьма условна. И не только условна, но и субъективна.

Допустим, удалось четко датировать разгромленный врагами древний город. Там найдены черепки кувшинов, мечи, стрелы, украшения. Это и будет «привязкой». От которой выстраиваются пространственная и временная цепочки. Нашли в других местах похожие по технологиям изготовления черепки, мечи – и ученые начинают рассуждать, за сколько времени такие технологии могли распространиться от одного региона к другому. Рассуждать теоретически – не как было на самом деле, это остается неизвестным, а как думают

сами ученые. И направления распространения технического прогресса тоже задаются заведомо предвзято, на основании старых «общепризнанных» мнений. Согласно коим все хорошее и полезное произошло... ну ясное дело, из «Благодатного полумесяца». А после него – из Древней Греции, Рима.

Предположим, нашли боевой топор в Месопотамии и второй похожий – в Прибалтике. Официальная наука второй топор обязательно датирует на несколько веков младше первого. Поскольку, мол, по авторитетным мнениям, такая удобная форма только за несколько веков могла дойти с Ближнего Востока далеко на запад. А гипотезы, что эта форма появилась независимо друг от друга в разных местах или была выработана на Западе и перенята Востоком, никто даже и рассматривать не станет. Как не соответствующие «общепринятым».

Есть и временные цепочки. От точек «привязки» вглубь столетий и тысячелетий выстраивается ряд аналогичных изделий по мере их упрощения. И в обратную сторону – по мере усложнения. Их датируют тоже условно и субъективно. На основании «общепринятых» мнений о скорости прогресса. Ага, дескать, вот этот топор, как мы знаем, относится к началу III тыс. до н. э. А этот похуже и попроще. Отнесем его к середине IV тыс. до н. э. А этот получше – значит, относится к середине III тысячелетия. И сама по себе подобная цепочка становится «линейкой», помогающей датировать другие предметы. Обнаружили в одном слое с более совершенным

топором нож, гвоздь и бронзовое зеркало – и их тоже отнесут к середине III тысячелетия. Сочтут уже «датированными». И включают в типологические цепочки ножей, гвоздей и зеркал.

Как нетрудно заметить, методика может дать результаты очень сомнительные. И заведомо отрицает возможность опровержения устоявшихся взглядов новыми находками – ведь и сами «типологические цепочки», служащие мерилom возраста, построены на основе именно старых взглядов. Так, еще Тит Лукреций Кар в I в. до н. э. предложил деление истории на каменный, бронзовый и железный века. Насколько компетентным мог быть древнеримский мыслитель с точки зрения современной науки – вопрос риторический. Но его градация так и сохраняется до сих пор. При этом для бронзового века принят период III–II тыс. до н. э., а железный начинается с I тыс. до н. э. И любой бронзовый предмет будет датироваться только «официальным» бронзовым веком, а железный – железным. Иные версии в расчет приниматься не будут. Даже несмотря на то, что сама датировка бронзового и железного веков уже показала свою несостоятельность. И несмотря на то, что в разных регионах бронзовый и железный век сосуществовали в одно время.

Сагарис – скифский, или сакский боевой топор.

Геродот, описывая саков-прямошапочников, сообщает, что: «саки, они же скифы, имели на головах прямые остроко-
нечные шапки, они носили анаксириды, имели местные лу-
ки, кинжалы и топоры-сагари» (Геродот, VII. 64)

К какой путанице может привести применение условной
археологической хронологии, очень наглядно показал аме-
риканский ученый И. Великовский [31, 32]. В одном и том
же слое раскопок или одном захоронении нередко обнару-
живаются предметы, которые по разным признакам и разны-

ми учеными датируются с разбросом в несколько столетий, а то и тысячелетий. И даже расшифрованные памятники письменности далеко не всегда вносят ясность, поскольку каждая древняя цивилизация вела хронологию по-своему, обычно по годам правления очередного царя. А когда он правил, тоже бывает загадкой.

Наконец, следует иметь в виду, что археология доносит до современников далеко не все, а лишь сохранившиеся детали. Как писал Л.Н. Гумилев: «Дивная иконопись эпохи подъема византийской культуры стала жертвой иконоборцев. Роскошные золотые и серебряные украшения угров, аланов, русов и хазар были перелиты в монеты и слитки, а те разошлись по краям ойкумены. Чудные вышивки, тонкие рисунки на шелке, богатые парчовые одежды, тюркские поэмы, написанные на бересте, истлели от времени, а героические сказания и мифы о возникновении космоса были забыты вместе с языками, на которых их декламировали рапсоды». Вот и получается, что регионы, где люди использовали для изготовления своих произведений камень или глину, считаются на основании археологических находок «развитыми» и «культурными». А там, где жители предпочитали более удобные, но менее долговечные подручные материалы – отсталыми и «неисторическими».

Археология чаще всего не дает ответа, какой именно народ оставил те или иные памятники. На каком языке он говорил. Чем жил, о чем думал и мечтал, к чему стремился.

Поэтому археологические данные – конечно, лучше чем ничего. Но для человека, желающего не защитить диссертацию, а получить собственное представление о прошлом, пользоваться ими надо с известной осторожностью. И уж во всяком случае критически оценивать «общепринятое».

Кроме археологии для исследования времен древнейших порой привлекается и лингвистика. Но здесь порекомендовал бы еще большую осторожность. Некоторый собственный опыт подобных исследований, проводившихся в 1993–1995 гг. для газеты «Вечерняя Рязань», вполне убедил автора – с помощью лингвистики можно доказать все, что угодно! Сходные слова чрезвычайно легко производятся друг от друга и ложатся в то русло, которое вам потребуется.

Да и по другим причинам исторические выводы, основанные на лингвистике, часто бывают обманчивы. И порой смахивают на обычную подгонку к «общепринятому». Так, лингвистическими методами доказывалось, что скотоводство и металлургия родились в Месопотамии: исходя из шумерийских слов «нгуд» – «бык» и «уруд» – «руда». Поэтому что от «нгуд» разными хитрыми путями производятся египетское «ка», коптское «ко», санскритское «ганх», древнеиранское «гбус», древнеславянское «говядо». А от «уруд» – латинское «рудус», немецкое «эрц», славянское «руда». Ну а Карамзин утверждал, что славяне научились скотоводству от римлян, поскольку «пастырь» – латинское слово.

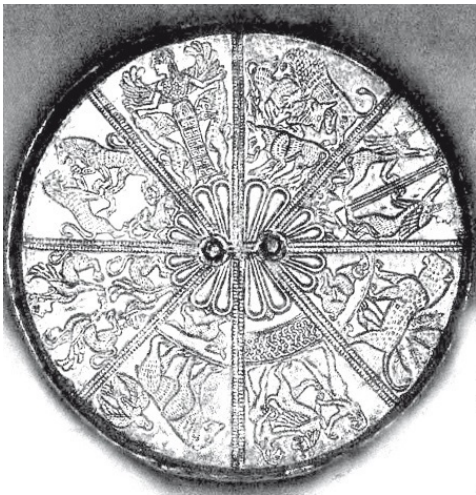
Но даже если исключить очевидные натяжки, и даже ес-

ли действительно выявлены прямые лингвистические совпадения, то никакими доказательствами они служить, естественно, не могут. Они лишь свидетельствуют о прямых или опосредованных контактах народов и не более того. А механизм словарных заимствований из одних языков в другие весьма сложен и неоднозначен. Мы, например, пользуемся тюркским словом «деньги» («таньга») – но это вовсе не означает, что само денежное обращение было заимствовано Русью с Востока. Просто во время интенсивных контактов с Золотой Ордой слово «деньги» вытеснило прежний термин «пенязи». Иногда словарные заимствования определяются культурными влияниями, иногда – лишь «модой». Поэтому в XIX в. внедрялись заимствования из французского языка, и издревле существовавшие в нашей стране харчевни превращались в «рестораны». Точно так же сейчас идут заимствования из английского. Но опять же, употребление слова «шоу» отнюдь не означает, что раньше в России не было «представлений» и «зрелищ» (которые и являются прямым русским переводом «шоу»).

Стоит коснуться и некоторых других некорректных научных воззрений. Например, о скорости миграций. В фундаментальных трудах мы сплошь и рядом встретим утверждения, что в таком-то веке некий народ расселился, допустим, до Дуная, а через сто-двести лет он «постепенно» продвинулся, скажем, до Днепра. Подобные взгляды могли родиться только у кабинетных теоретиков, для которых собствен-

ная дача – это уже очень далеко.

На самом же деле миграции происходили скачкообразно, в исторических масштабах – практически «мгновенно». Много ли нужно времени коню, чтобы проскакать даже тысячу километров? И много ли нужно времени пешеходам, чтобы пройти их? Неужто века? В 1235 г. в Монголии прошел курултай, провозгласивший поход на запад, а через два года конница Батыя уже громила Русь. В XVII в. русские ратники из Казани, Вологды, Москвы каждое лето отправлялись верхом или на своих двоих к Белгороду, Севску, Воронежу, а осенью возвращались домой. А в XX в. наши солдаты, тоже на своих двоих, за полтора года прошагали от Курска до Берлина и Вены, да еще и при сильнейшем сопротивлении врага. Точно так же и в древние времена перемещения людей происходили быстро. А если задерживались на каких-то рубежах, то это могло быть вызвано желанием самих переселенцев остановиться здесь. Или означало, что их остановили местные жители.

Скифское зеркало VII в. до н. э. Как считают некоторые исследователи, на нем изображен скифский восьмичастный мифологический календарь: львы, грифоны, змееногая богиня Апи, от которой, по легенде, произошли скифы и др.

Коснусь еще «автохтонной» и «миграционной» теорий заселения Восточной Европы. Автохтонная является «классической», она была принята фундаментальной советской наукой. Ее сторонниками являлись академик Б.А. Рыбаков и прочие столпы истории. И славяне, согласно данной теории, всегда обитали примерно в одних и тех же местах. Различные пришельцы накатывались и исчезали, а наши предки так и жили себе, трудились, помаленьку развивались и совершен-

ствовались. Миграционная теория, сторонником коей является известный историк В. Щербаков, заставляет предков русичей бродить по всему миру. Дескать, сперва они жили в Малой Азии, потом переселились во Фракию, потом еще куда-то.

Ни та, ни другая теория сами по себе быть приняты не могут, поскольку обе они примитивизируют действительность. Многочисленные и весьма масштабные миграции известны, они шли и на территорию России, и с ее территории. Однако и вторая версия критики не выдерживает. Один и тот же народ не может перемещаться по свету, оставаясь изолированным и неизменным. Это не мячик, катающийся по футбольному полю. Факты показывают, что массовые миграции, как правило, сопровождались расколом этноса. Причины переселений бывали разными, но уходила только часть людей, а другая оставалась на старых местах. Отсюда возникали народы и племена с одинаковыми или сходными этнонимами, но обитающие на значительных расстояниях друг от друга. И накапливающие отличия между собой. Ушедшие взаимодействовали с новым окружением. Оставшиеся – с новыми пришельцами. Происходило генетическое смешение, взаимное культурное влияние. И как раз по этой причине почти все народы, когда-либо населявшие российскую территорию, внесли свой вклад в формирование ее современного населения.

I

Происхождение скифов

Жизнерадостные города Триполья

Примерно в VII тысячелетия до н. э. климат стал теплее и суше, приближаясь к нынешнему. По мере подсыхания болот гораздо более благоприятные условия для людей возникли не в лесах, а в степной полосе. Хотя сама эта полоса была «сдвинута» несколько южнее, чем сейчас. Значительную часть современных степей занимали широколиственные леса. Но в то время были степью прикаспийские пески, пустыни Средней Азии. Вся эта зона представляла собой как бы гигантские «заливные луга». А обилие кормов открыло возможности возникновения и развития скотоводства.

Утверждения о том, что скотоводство родилось на Ближнем Востоке и перенималось оттуда другими регионами, оставим на совести авторов. Ни малейшей связи между Ближним Востоком и российскими степями в данную эпоху не просматривается. И, кстати, сама «идея» скотоводства существовала еще у охотников ледникового периода. Археология выявила любопытный факт – их поселения «специализировались» на определенных видах диких животных. В

одном обнаруживаются залежи костей мамонтов, в другом – оленей, в третьем – лошадей или бизонов. Напрашивается вывод, что в той или иной местности обитало большое стадо животных, а охотники поселялись поблизости и считали это стадо «своим», по мере надобности забивая несколько особей.

Скифский пектораль, Никополь, 1971 г.

Верхний ряд изображений посвящен скотоводству. Скифы разводили овец и лошадей, позднее появились и стада коров. Это обуславливалось самой природой скифского мира. Племена скифской культуры расселялись в полосе степей, лесостепей и полупустынь, где кочевой образ жизни оказывался наиболее приемлемым способом адаптации к условиям окружающей среды. Земледелие в этих областях было возможно, но недостаток воды, постоянные засухи, суровые зимы, особенно в степях к востоку от Волги, делали это занятие весьма рискованным

Впоследствии таких огромных диких стад не стало, но их начали создавать искусственно. Однако скотоводство в Восточной Европе не могло быть кочевым. Снега здесь выпада-

ет много, скот не способен добывать из-под него корм. Поэтому здесь возникали постоянные населенные пункты, где заготавливалось сено и зимовали стада и люди. Естественно, они строились не в голой степи, продуваемой всеми ветрами. Самым удобным местом для них являлась граница между степями и лесами, где имелись дрова для отопления, стройматериалы, дерево для изготовления орудий труда.

Эти поселки становились и религиозными, административными, ремесленными племенными центрами. И торговыми тоже – тут была возможность вести меновый торг с лесными жителями. Теории о вечном противостоянии оседлого культурного «леса» и дикой кочевой «степи» – недалекая и бездоказательная выдумка историков. Изначально лесные народы стояли на гораздо более низкой ступени развития, чем степные. И жили не в пример беднее. Судя по археологическим данным, в «глухом углу» северо-западной России, на территории нынешних Ленинградской, Новгородской областей, Карелии вплоть до начала нашей эры сохранялись поселения древних рыболовов. Вероятно, они стали предками самодийских народов.

Конечно же, не степняки их грабили. Что у них было грабить-то? Скорее наоборот, лесные жители могли совершать налеты на степняков для угонов скота. На что владельцы, естественно, отвечали карательными рейдами. А их было больше, они были лучше организованы и вооружены. Поэтому после первоначальных столкновений лесной народ отсту-

пал в «глубинку», а затем устанавливался взаимовыгодный симбиоз и «разделение труда». Лес поставлял для меновой торговли мед, воск, рыбу, орехи, грибы, а скотоводы – мясо, жир, шерсть, кожу. Кроме того, лесные племена контролировали дальние пути сообщения – реки. И выступали посредниками в торговле с отдаленными регионами.

Археология свидетельствует, что более высокая культура распространялась по направлению из степи в лес, а не наоборот. Не у охотников и рыболовов, а у скотоводов, чье пропитание гарантировали стада, были лучшие возможности для развития ремесел, искусств, религии. И именно лесостепные районы Евразии – юг Приуралья, России, Украины, Прикарпатье и Северобалканский регион выделяются учеными в качестве главного эпицентр так называемой «неолитической революции».

Дальнейшее развитие получает гончарное производство. Скот давал шерсть, и начинается выделка тканей – появляются такие инструменты, как веретена, прясла, первые ткацкие приспособления и станки. И возникает земледелие. Как ранее отмечалось, в зачаточных формах оно тоже практиковалось издревле, у охотников ледникового периода. Да и потом у скотоводов мотыжное земледелие играло роль побочного промысла. Часть людей должна была проводить лето в селениях, заготавливать сено. И когда мужчины отгоняли скот на летние пастбища, этим занимались женщины и подростки. У них оставалось свободное время. Так почему бы

не возделывать полоску поля или огородик? Древние изображения и информация, сохранившаяся в мифах, дают основание утверждать, что земледелие изначально было женской профессией, в то время как скотоводство – мужской. Но постепенно новая отрасль хозяйства развивалась и стала играть не менее важную роль, чем прежняя.

Основными материалами для изготовления орудий труда все еще были камень и кость. И обнаружены шахты, большие мастерские, где велось производство кремневых инструментов. Технологии их обработки стали весьма совершенными. Широко применялись пиление и сверление камня, полировка. Впрочем, сохранялись и грубо обработанные орудия – очевидно, применявшиеся для каких-то черновых нужд. Изготавливались копья, наконечники стрел, и особенно характерны для этой эпохи топоры. Их находят во множестве – они требовались для рубки деревьев, строительства. Да и земледелие стало подсечным. При раскопках часто встречаются земледельческие орудия, диски-утяжелители для палок-копалок, мотыги. И ступки, зернотерки, серпы, которые делались из рога с кремневыми лезвиями-вкладышами. Обнаруживаются следы прядения, ткачества – применялись шерсть, нити из крапивы, конопли, лыка. Появляются изображения парусных лодок, колесных повозок.

Население было еще неоднородным, в Восточной Европе сосуществовали две расы, высокорослая и низкорослая. В результате тех или иных смешений, вероятно, возникли

различные группы народов – финских, угорских. Возможно, имели место и конфликты, но следов крупных боевых действий в это время не отмечено. Земли еще хватало. И если ближневосточные культуры пошли по интенсивному пути развития хозяйства со сложными системами орошения и удобрения почвы (что случилось гораздо позже), то восточноевропейская цивилизация пошла по экстенсивному: истощалась земля – возьми другую.

В VI тыс. до н. э. выделилась весьма масштабная культурно-историческая общность, охватывавшая современные Украину, Югославию, Болгарию, Молдавию, Румынию, Венгрию. Дома тут строились большие, 25–27 м в длину, 5–6 м в ширину. Сооружались они на каркасе из плетеных прутьев, обмазанных глиной. Крыша поддерживалась несколькими рядами столбов, в доме имелась глинобитная печь, а стены раскрашивались белой, черной, коричневой красками. Вокруг располагались хозяйственные постройки, кладовые амбары. Поселения обносились канавой и частоколом. Изготавливалась керамика, которая расписывалась разными цветами, орнаментами. Люди держали скот, возделывали небольшие поля, где выращивали ячмень, полбу, чечевицу, лен. Но обрабатывали участки, пока земля не истощалась, потом бросали и переселялись. И продвигались таким образом по речным долинам.

Киммерийцы.

Роспись на этрусской вазе. VI век до н. э.

А наиболее впечатляющими выглядят археологические находки Трипольской культуры, охватившей Поднепровье и начавшей распространяться на юг и запад, к Прикарпатья и Дунаю. Хронология этой цивилизации уже несколько раз подвергалась пересмотру. Еще совсем недавно историческая традиция относил ее к III–II тыс. до н. э. Сейчас датировка успела сдвинуться к IV–III тыс. до н. э. (*тысяча* лет плюс-минус, какая мелочь, правда?). Но некоторые специалисты склоняются к еще более древним датам. Что вполне справедливо и подкрепляется весомыми доводами. Во-первых, металл в Трипольской культуре был еще редкостью и обнаруживается только в поздних селениях. А согласно данным

радиоуглеродного анализа, с V тыс. до н. э. по соседству, в Карпатах, уже вовсю функционировали рудники. Во-вторых, в V–IV тыс. до н. э. в восточноевропейских степях и лесостепях обитали сильные и воинственные народы, имевшие отличное оружие. У трипольцев ничего подобного не выявлено, они жили еще вполне мирно и были земледельцами, а не воинами. Следовательно, датировать их цивилизацию логично VI – началом V тыс. до н. э.

По уровню развития она существенно отличалась от других современных ей народов Европы. Люди Триполья вели оседлый образ жизни, строили большие селения, можно сказать – города. Дома в них располагались концентрическими кругами и, например, город, обнаруженный в районе Умани, состоял из 200 домов, выстроенных в шесть кругов. А население его насчитывало 2–4 тыс. человек. В каждом селении имелась центральная площадь, где располагались одно-два здания, по размерам превышавшие остальные. Очевидно, они принадлежали местной верхушке или являлись общественными сооружениями. Укрепления вокруг городов не возводились, что говорит об отсутствии поблизости сильных врагов. Единственной оборонительной системой служило само круговое расположение домов, да еще иногда забор или частокол. Всего к настоящему времени открыты следы более 900 подобных селений. Ясное дело, это только часть от существовавших.

И тут, наверное, можно уже говорить о государстве. Впро-

чем, до сих пор нет единого мнения, а что же это такое? Марксисты однозначно увязывают понятие государства с наличием «классов». Нет классового общества – значит, нет государства. Но и буржуазные теоретики недалеко ушли от социалистов. Поскольку рождение государства соотносят с «разложением» родоплеменного строя. Дескать, начали люди заниматься земледелием, скотоводством, тут-то и начал он «разлагаться», поскольку повысилась производительность труда, появился избыточный продукт, частная собственность... К действительности те и другие теории имеют весьма слабое отношение. Замыкаться на наличии классов – значит отрицать, что была государством, например, империя Чингисхана, поскольку у монголов никаких классов в помине не существовало. Но и с «разложением» родоплеменных общин нестыковочка выходит. Люди действительно занимались земледелием, скотоводством, а эта самая община в течение тысячелетий... не хотела «разлагаться»! И избыточный продукт действительно могли производить – но не производили. Зачем он, избыточный?

Люди древности вели себя гораздо мудрее нынешней западной цивилизации, в погоне за прибылью штампующей продуктов в несколько раз больше, чем можно съесть, одежды многократно больше, чем можно износить, и т. п. Наши далекие предки брали от природы ровно столько, сколько нужно для употребления. Плюс некоторый запас на случай неурожая. И хватит. И частной собственностью, част-

ным производством обременять себя не спешили. Зачем, если есть общественное, удовлетворяющее все нужды? Даже и в древних городах Шумера, возникших на 1–2 тыс. лет позже трипольских, никакой частной собственности еще не было. Вся продукция поступала в собственность храма и с общественных складов распределялась среди горожан.

Но как же быть с государством? Давайте подумаем, что вообще понимается под этим термином. К бесспорным его признакам можно отнести, во-первых, наличие правящего аппарата, организующего жизнь некой человеческой общности. Во-вторых, наличие правовых норм, определяющих эту жизнь. В-третьих, наличие определенной территории, на которую распространяется юрисдикция данных норм. Отсюда следует, что даже первобытная охотничья община несла в себе зачатки «государственности». Там были свои руководители, вожди или старейшины. Была «своя» территория. Были обычаи и религиозные установки, которые часто оказывались прочнее, умнее и эффективнее современных плодов законотворчества. В дальнейшем эти формы совершенствовались. Выделились профессиональные вожди, выборные или наследственные. Существовали прообразы «парламентов» — общие сходы, советы старейшин.

Ну а в Трипольской культуре мы встречаемся уже с довольно развитой государственностью. Посудите сами, могут ли несколько тысяч жителей одного города сосуществовать вместе, не имея каких-то органов управления? И даже ес-

ли предположить, что различные города жили сами по себе, обособленными и самоуправляемыми полисами, то мы видим, что множество селений располагалось на близкой территории, мирно уживаясь друг с другом, каким-то образом улаживая спорные вопросы. Значит, существовали и институты, осуществлявшие координацию между общинами. И правовые нормы, на основе коих регулировалось сосуществование внутри селений и между ними.

Кто же такие были загадочные трипольцы, к какому народу принадлежали? Можно ответить на этот вопрос, проследив, куда дальше мигрировали культуры, родственные Трипольской – естественно, меняющиеся со временем, но и сохранявшие многие близкие черты. Впоследствии потомки трипольцев сдвинулись на юг, в долину Дуная, потом в Фессалию, где зафиксировались как «культура Димена». А дальнейший путь их пролег на Эгейские острова, Пелопоннес и Крит, где они создали великолепнейшую Мinoйскую (Среднеминойскую) цивилизацию. Это были пеласги. Древний, еще доарийский, индоевропейский народ.

«Чернухинская мадонна» (найденная в поселке Чернухино Луганской области) держит на руках ребенка. В верованиях трипольцев главную роль играли культы плодородия. В росписях неоднократно присутствуют изображения женских грудей, мужских и женских половых органов. А верховную роль в пантеоне играли Богиня-мать, которая ассоциировалась с Землей

В Поднепровье жили далекие предки будущих жителей Средиземноморья, но и здесь они создали весьма впечат-

ляющую культуру. Дома у них были большими, строились на основе из плетней, обмазанных глиной. Часто они были двухэтажными. И состояли из нескольких помещений – одни жилые, другие использовались под кладовые. В них стояли большие сосуды для зерна, в каждой жилой комнате имелась отдельная печь или очаг. То есть в доме проживало несколько семей. Или несколько поколений одной семьи.

В Трипольской культуре зерновое земледелие достигло высокого уровня, уже превратилось в ведущую отрасль хозяйства. Выращивали в основном пшеницу. Появились такое изобретение, как деревянная соха, в которую впрягали быков. Появились мукомольные жернова, а значит и технологии выпечки хлеба. Совершенствовалась выделка тканей. Значительного развития достигло гончарное производство – изготавливались красивые расписные горшки, кувшины, чаши, декоративные изделия. Археологи находят украшения из янтаря и яшмы, а в поздних трипольских селениях и металлические изделия – украшения из золота, серебра, меди, бронзы, медные лезвия ножей, топоров. Следовательно, поддерживались торговые контакты с очень отдаленными регионами. Янтарь, например, можно было получить только с Балтики. А металл – с Карпатских гор, Кавказа или Урала.

Обнаружены несколько образцов портретной скульптуры. И очень сложная значковая символика – различные сочетания ромбов, кружков, треугольников, спиралей, зигзагообразных и параллельных линий, нескольких видов креста, жи-

вотные и растительные орнаменты. Степень развития этой символики приближается к настоящей письменности. Возможно, она уже и играла роль письменности. Найденная археологами настенная живопись показывает богатство духовного мира здешних жителей. У них была развитая мифология и религия. Стены домов покрывались многоцветными яркими орнаментами и рисунками. На этих росписях мир делился на три яруса. Верхний занимали небесные светила и звезды, в нижнем – земля, где обитают люди, колосятся их поля и пасется скот, а между ними находилось пространство, населенное богами и духами, среди них всегда изображалась «мать-олениха», из сосков которой течет на землю живительная влага.

Отметим, что впоследствии для многих индоевропейских народов (кельтов, германцев, славян, индусов) было характерно «трехъярусное» деление мира. И культ оленя тоже – это животное часто сопровождало тех или иных богов и богинь или являлось их воплощением. «Олень – Золотые рога» служил символом солнца и сил света. Изображение оленей рядом с богиней-Матерью нередко встречается в парфянской живописи и в славянских вышивках. В этих вышивках олени сохранялись в качестве одного из излюбленных орнаментов, они постоянно встречаются в русских сказках и приметах – опять же ассоциируясь с небесными силами (например, после Ильина дня нельзя купаться, потому что «олень в воде хвост помочил»).

В верованиях трипольцев главную роль играли культы плодородия. В росписях неоднократно присутствуют изображения женских грудей, мужских и женских половых органов. А верховную роль в пантеоне играли Богиня-мать, которая ассоциировалась с Землей, и мужское божество, представляющее в облике быка. Найдены многочисленные статуэтки женщин-богинь, разительно отличающиеся от палеолитических пышных «венер». В Трипольской культуре изображались молодые, изящные женщины с небольшим бюстом. Часто с едва заметными признаками беременности. А изготовлялись статуэтки из глины, смешанной с мукой или зернами пшеницы. Из чего можно сделать вывод, что отвечала богиня за плодородие земли.

Култ быка, олицетворяющего мужское начало, также характерен для многих индоевропейских религий. А в трипольских селениях археологам часто попадаются фигурки быка, лепные и нарисованные изображения быка, очень хорошо выполненные ритуальные маски быка. В домах в каждой из жилых комнат имелся маленький алтарь в виде трона, украшенного бычьими рогами, на который помещалась статуэтка богини. Видимо, это означало соединение мужского и женского начал природы. И должно было обеспечить супружеское благополучие семье, хороший урожай и приплод скота.

Священнослужителями в Триполье выступали женщины. Сохранились фигурки и рисунки, где полунагие жрицы, оде-

тые только в длинные юбки, поднимают к небу большие чаши, украшенные изображениями женских грудей. Не исключено, что в летнее время, когда погода позволяла, обычный костюм здешних жителей и жительниц тоже состоял из юбки или набедренника, отмеченного на статуэтках. Но у потомков трипольцев на Крите существовала очень сложная и изысканная мода. Тем не менее, жрицы, которым там тоже отводилась главная роль, в священных обрядах выступали аналогично своим далеким предшественницам – босые, в одних лишь длинных юбках. И изображения жриц в обеих культурах очень похожи, повторяются их жесты, стандартные позы.

Быт трипольцев был тесно связан с их верованиями. Весь сельскохозяйственный год неразрывно сочетался с мифологическими представлениями и религиозными празднествами. В древности у всех народов подобные праздники являлись отнюдь не механическим «отмечанием» определенных дат календаря – это были магические ритуалы, производимые некоторых точках годичного цикла, чтобы поддерживать природные условия в благоприятном режиме. Время ритуалов вычислялось жрецами по положению небесных светил. А целью было «единение» с богами через копирование тех или иных их действий, отраженных в легендах. Считалось, что повторение из года в год выработанных обрядов должно «привязать» земной цикл к «небесному», обеспечить повторяемость и неизменность климатических фак-

торов.

Скифская богиня любви Аргимпаса.

Изображение на вазе из кургана Чертомлык. Никопольский район

Одним из основных ритуалов у трипольцев являлась весенняя «священная свадьба». В ней отображался миф о соитии бога-Быка с богиней-Матерью. Этот миф зафиксирован впоследствии на Крите, где верховный бог Диве (Зевс) сочетался со своей супругой Дивией, носившей эпитет Ковийя (Коровья), после чего родился сын Дивонусойо (Дионис – изначально он был божеством всей живой природы) [133]. У греков данная легенда трансформировалась в сюжеты о похищении Зевсом-быком Европы, отчего пошла династия

критских царей, и о совокуплении с быком царицы Пасифаи. Сходные мифы известны у индусов, туранцев, славян, у которых Дажьбог породил людей «через корову Земун» («Велесова книга», II 7э). И, кстати, у эллинов Северное Причерноморье называлось Таврией – Страной Быка.

В мистериях трипольцев божество изображал избранник-мужчина – как раз для этого предназначались ритуальные маски быка (на Крите найдены такие же маски, очень напоминающие трипольские). Жрица, игравшая роль богини-матери, как следует по мифологическому сценарию, исполняла перед ним священный танец. После чего осуществлялось их торжественное соитие. Оно отнюдь не было чем-то постыдным или интимным, а важнейшим священным актом, от которого зависело будущее народа.

И если все протекало благополучно, это предвещало хороший, плодородный год.

Трипольцы придерживались единого культа, поэтому и ритуал «священной свадьбы», скорее всего, осуществлялся на разных уровнях. Централизованно, в общих святилищах, наряду с этим – в каждом городе. А потом и в каждом доме. Именно в этот день статуэтка богини водружалась на «бычий» алтарь, а супруги вступали в ритуальную связь, чтобы распространить блага плодородия на свою семью. Важным весенним обрядом пеласгов была и посадка священного дерева, что сопровождалось оргиастическими танцами и празднествами. Вероятно, этот обряд совмещался с празд-

ником «священной свадьбы». А осенью священное дерево вырывалось и оплакивалось, что символизировало зимнее «умирание» природы.

Были и игры с настоящим, живым быком. Сохранились критские фрески, печати и рельефы, на которых под руководством жриц стройные юноши и девушки в набедренных каках совершают акробатические прыжки через грозных животных, вскакивают на них, делают стойки на их спинах и даже повисают, как на брусьях, ухватившись за рога. Подобные игры характерны и для других мест расселения пеласгов. Римский историк Светоний писал, что в в. н. э. император Клавдий, устраивая свои пышные зрелища, «выводил фессалийских конников с дикими быками, которых они гоняют по всему цирку, вскакивают обессиленным на спину и за рога швыряют их на землю» [180]. Очевидно, такие игры были и в Триполье. Скорее всего, они произошли от пастушеских забав или входили в программу тренировок и инициаций молодежи.

У пеласгов были и мужчины-жрецы. Точнее, предсказатели. Они обслуживали, например, святилище в Додоне. Греки их называли «черноногими», поскольку они всю жизнь ходили босыми и не мыли ног, а будущее предсказывали по шелесту листвы священного дерева. Существовал и какой-то культ мака. Может быть, из него добывались дурманные вещества в ритуальных целях. Этим культом ведали девушки. На Крите находят статуэтки совсем юных служительниц с ед-

ва обозначившейся грудью, украшенных маковыми головками. Но и на Украине в глухих полесских деревнях вплоть до начала XX в. сохранялся древний языческий праздник мака – участвовали только девушки, они должны были собраться ночью на лесной поляне и исполнить тайную «пляску Макавей», причем, как и на минойских статуэтках, танцевать требовалось обнаженными.

Был и женский культ змей, очевидно, связанный с тем, что змея выступала символом хтонических, подземных божеств. Но и Богиня-мать олицетворяла Землю, а жрицы являлись ее представительницами. В Минойской культуре и на Балканах обнаружены изображения жриц со змеями. У фракийских и эпирских вакханок, участвовавших в оргастических празднествах в честь Диониса, одна из высших служительниц несла больших ручных змей, выползавших из священных корзин и обвивавших ее. Как сообщает Плутарх, такую обязанность выполняла в свое время и Олимпиада, мать Александра Македонского, и однажды муж застал ее спящей рядом со змеей, пригревшейся и вытянувшейся вдоль ее тела – что и породило потом домыслы и легенды о зачатии Александра от бога, явившегося в образе змея [154].

У трипольских жриц, видимо, тоже существовали свои сообщества, наподобие вакханок. Например, у родственных пеласгам этрусков очень долгое время сохранялись женские фратрии. И римляне, которые в республиканский период были поборниками строгой морали, очень осуждали обычаи

знатных этрусских дам устраивать пирушки, где матроны пребывали в чем мама родила, а прислуживали им юные красивые рабы в таком же натуральном виде. Хотя и эта традиция, судя по всему, являлась неким древним ритуалом.

Ваза с изображением скифских воинов. IV век до н. э.
Электрум, чеканка

Как видим, большинство обрядов трипольцев и их сородичей носило ярко выраженную сексуальную окраску. Но это не было спецификой одних лишь пеласгов. Сходные ри-

туалы «магии плодородия» отмечены почти во всех древних обществах. Они отобразились в знаменитой эротической росписи и скульптуре индийских храмов. Обряды «священной свадьбы» существовали когда-то и у германцев, у славян, оставили многочисленные следы в мифологии, представлены на наскальных рисунках Скандинавии.

Они были присущи и земледельческим цивилизациям Балкан, Малой Азии, Ближнего Востока, Месопотамии с различными вариациями. Так, на изображениях «священной свадьбы» у шумеров и вавилонян мужчина (а в поздних вариантах – статуя божества с соответствующим признаком пола) лежит на спине, а нагая жрица под руководством других жрецов осуществляет «стыковку» сверху, сидя на корточках. Что имело определенное смысловое значение, поскольку в ближневосточных религиях, в отличие от индоевропейских, женщина (Инанна, Ашторет, Астарта) представляла небесное начало, а мужчина – земное.

Ну а на севере в VI–V тыс. до н. э. наряду с Трипольем возникло еще два крупных очага высокой культуры. Один – на Кавказе, где всюду развивалось земледелие, начались разработка руды и выплавка меди. Второй очаг – Средняя Азия. Селения тут были поменьше, чем в Поднепровье, состояли из однокомнатных глинобитных домиков. Но при раскопках найдены большие могильники с богатым инвентарем, каменные и глиняные фигурки людей и животных. В здешних культах ведущую роль тоже играли женщины-жрицы. Высо-

кого уровня достигли ткачество, земледелие, скотоводство. Люди уже накопили изрядный багаж сельскохозяйственных знаний, занимались целенаправленной селекцией скота, выводя более продуктивные породы. Хозяйство, видимо, было общинным. И археологами найдены деревянные бирки с насечками, применявшиеся для счета и учета продукции. С теми самыми насечками, которые известны нам как «латинские» цифры – I, V, X. Попадаютсся ученым и географические карты, выполненные на коре, дереве, коже. То есть местные жители путешествовали в далекие края, старались сохранить и передать информацию о различных местах и дорогах.

Но среднеазиатская и кавказская цивилизации продолжали развиваться, а Трипольская в V–IV тыс. до н. э. исчезла. Все ее селения носят следы уничтожившего их огня. И версий бытует несколько. По одной, здешняя культура погибла в результате вражеского нашествия. По другой – жители сами сжигали свои селения, переходя на другое место. Подобные традиции известны у ряда американских, африканских народов: менять место поселения по окончании астрологического цикла, при истощении земли, по указаниям жрецов. Или в случаях, когда на прежнем месте людей преследуют бедствия, и оно признается «проклятым».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.